

В карете ехали молча. Ликас пытался сначала спрашивать, говорил что-то, но я кивала, как болванчик, и смотрела за окно – кругом пылало зарево, магов и военных было так много, что сложно было проехать. Нас останавливали несколько раз для идентификации личностей.

Единственное, что я уловила – Фэй-Фэй и дедушку сопровождают аларийцы, он отправил двоих. Остальное меня не волновало. Меня не интересовало, каким образом Ликас умудрился достать карету, в этот сумасшедший вечер, потому что на выезде из поместья Фейу была настоящая давка и толпа, из военных и слуг, которые почти сражались друг с другом, в попытках добраться до своих юных хозяев. Многие решили остаться там – возвращаться в Керн пока было запрещено.

Хвала, Великому, наше поместье далеко!

Все аларийцы из отряда выжили – это главное, остальное меня тоже не волновало, как и рассеченная бровь Ликаса, синяк на скуле и сбитые костяшки пальцев.

Я держалась из последних сил.

Мастер сначала пытался спрашивать и объяснять, потом нес какую-то чушь, по поводу того, что всё уже кончилось и можно поплакать, потом замолчал.

Все вопросы, разборы полетов, работа над ошибками – завтра. Сегодня мне ещё поднимать защиту, потому что других Блау на территории не было.

Во поместье мы влетели, по-другому не скажешь, и сразу за нами схлопнулись огромные ворота, отсекая периметр от внешнего мира.

Я спешила. Сила почти теплилась, и скоро пойдет откат, а мне ещё нужно успеть добраться до алтарного зала.

– Мисси..., – Ликас придержал меня за плечо, на спуске в подземелья.

– Наставник, – я прокашлялась, потому что голос опять осип. – Я хочу побыть одна. Сегодня. Совершенно одна, – я нажала голосом. – Уберите Нэнс, и чтобы никто не попадался мне в коридорах, – я просто не выдержу, если сейчас начнут причитать. – Пусть приготовят ванну и уйдут. Все.

Ликас сжал губы в узкую линию – не согласен, но кивнул, нехотя.

– Завтра. Все завтра, – я повелительно махнула почти оторванным рукавом и устремилась вниз – источник Блау звал меня.

Защиту поместья я подняла быстро. Теперь никто не сможет пересечь периметр, кроме Блау или в присутствии Блау. Сила откликнулась легко, немного ласкаясь, желая залечить душевные раны и успокоить дочь Рода, но я оборвала контакт.

Пока – не готова.

В малую гостиную я входила пошатываясь, считая шаги, чтобы не упасть. На креслах, в музыкальном уголке восседала цветущая Айша, она что, тут музицирует по ночам?

– О..., – ее рот округлился, когда она увидела, на что я похожа. Грязное, в бурых потеках платье, рассыпавшаяся прическа, оторванный рукав нарядного халата. – Прием удался? – она

просто изнывала от любопытства.

Удался. Он так удался, что и не описать словами.

Внутри полыхнуло яростью, и мне даже не нужно было звать силу, чтобы я опять вспыхнула вся, с ног до головы.

Стены родового поместья действовали на меня странно, я чувствовала себя большим хищником, на территорию которого по недоразумению забрели странные мелкие создания, причиняющие неудобства. Догнать. Схватить. Охота. Желания были простыми и ясными. Создание передо мной было слабым и не вкусным, но сила внутри требовала чего-то ещё...крови? Я пристально смотрела, как на лилейной шее бьется пульс, так просто...

Пульс. Нефритовые бусины в крови. Широко распахнутые в небо застывшие глаза. Марий. Я встряхнулась. Мне не нравилось настолько терять контроль.

Ужас, ужас и мгновенное понимание, вот, что выражало лицо Айшы. Я нащупала сбоку одну из безделушек, которые были натканы по всему дому, и швырнула ее в кухню. Ваза разлетелась с грохотом, осыпав Айшу мелкой крошкой. Отличный фарфор – очень много осколков.

Та взвизгнула, и, подобрав юбки, помчалась на выход. Беги, девочка, беги, пока большая страшная тетя не догнала тебя. Я же сказала, что я не хочу никого видеть сегодня.

Стены давили, находится здесь было невыносимо, и я отправилась туда, где меня точно никто не будет трогать. На кухне Маги не было, только одна сонная служанка встрепелась, когда я приложила палец к губам – ради всего святого, молчи, девочка!

Вечерние пирожки, нарезка, яблоки, и пара бутылок отличного аларийского самогона из запасов кухарки отправились в корзину. На конюшню я выскользнула через черный ход, прячась в тени. Пересечь двор, свернуть за угол к маленькой калитке, и я уже вдыхаю успокоительный запах сена и лошадей, которые тихо приветственно заржали, учуяв фрукты.

Старик караулил меня в углу, шагнув на свет так быстро, что я чуть не грохнула бутылки. Его все звали Старик, за столько зим я так и не сподобилась узнать, как же его зовут на самом деле. Но это подождет, это завтра.

Он щурился подслеповато и молчал.

– Ты меня не видел, – я прижала корзину к груди покрепче, чтобы не уронить. – И для своих тоже...поставь там у себя в голове картинку...хоть с обнаженной Маги, но чтобы меня никто не трогал до утра. Никто. Меня нет ни для кого, даже если явится дядя, легат, или император, ты меня не видел.

Старик кивнул, успокоительно похлопав меня по голове мозолистой шершавой рукой, и пошел запирать широкие ворота конюшни тяжелым длинным засовом.

Я подумала, и отправила на дверь узел отвода глаз и сигналку. Внутри надсадно хэкнуло – сила была вычерпана почти до дна и на исходе.

Мое дальнейшее стойло встретило меня тишиной и запахом отличного свежескошенного сена, мягкого, как пух. Я никогда не спрашивала Старика, почему он так тщательно следит за этим стойлом, если здесь не держат коней. Пока не держат. Пока не приехал мой райхарец.

Соорудив лежанку и высыпав продукты горой, я открыла початую бутылку и жадно присосалась к горлышку. Мне это надо. Горло обожгло вкусом аларийского самогона, напомнив поцелуй с Марием, и меня вырвало.

Первая не пошла.

Я была свято уверена, что подобное следует лечить подобным, и потом, именно так мы обычно снимали стресс. Конечно, в этом возрасте меня быстро свалит с ног, но это и хорошо, быстрее достигну полного беспамятства. Сегодня ночью я хотела забыться.

Второй глоток я заела, и желудок приятно обожгло. Хорошо. Третий, четвертый. Я вылакала больше половины, меня тошнило, но голова оставалась отвратительно трезвой и пустой. Кольца и артефакты Мария не давали мне покоя. Я высыпала все перед собой и, покрутив, остановилась на закрытом медальоне. Магией от него не фонило, он был из простых, и поэтому тем более любопытно, зачем такую вещь прятать так глубоко, и носить близко к сердцу.

Пыхтя от усердия, я ковыряла его обломанными грязными ногтями – видно было плохо. Краешек крышки поддался, щелкнуло, и я смогла лицезреть внутри маленький черно-белый портрет, выполненный очень искусным мастером на рисовой бумаге.

Мой портрет.

Рисунок в медальоне расплывался, потому что на него начали падать капли – одна, вторая, третья...я шмыгнула носом и заревела.

Марий мне нравился. Это было самое страшное. Нет, ни о какой любви речи не шло, но он мне нравился. Он был простым, понятным, и родным до самой последней застёжки форменного мундира. Наш, легионерский. И даже его значок Претора навевал особую нежную ностальгию.

Понятный и надежный. Марий нравился мне как человек, и...как мужчина. Было бы странно, если бы я вдруг внезапно начала обращать пристальное внимание на сопливых сосунков. Нет, малыши хороши, но я всегда предпочитала мужчин, которые точно знают, чего хотят, или, по крайней мере, не пытаются себе врать по этому поводу.

Марий-мне-нравился.

Но что дальше? Кто дальше? «Бледная моль» будет вынашивать общеимперский заговор в попытке убить наследника престола? Аптекарь...выглядит подозрительно, с этими его аккуратными очками...может быть он караулит в подворотнях юных мисс, или варит зелья массового уничтожения...Кто следующий? Кантор, которого вообще не должно быть в этом раскладе? Эблиэсс? Кто следующий из тех, кто был на площади?

Не проще ли уравнивать счет на старте, и просто устранить несоответствие...всего то двадцать два лишних человека. Может в той жизни, кто-то из них и выжил, но в этой...в этой они выжить не могли.

Я сделала большой глоток и осторожно подняла отголоски разделенных эмоций Мария ...звезда, моя... и меня снова захлестнуло с головой...закрыть двери в эти воспоминания, и повесить амбарный замок. Да, так бывает. Это не любовь, это скорее полный резонанс сил, когда энергии, сплетаясь, образуют единое целое, переплетаясь друг в друге...большая редкость...и большая беда.

Если бы ...

К горлу подступила новая порция слез, и я зажмурилась, в попытке навесить купол тишины на мое стойло. Намерение ускользало и не фокусировалось, я раздраженно трясла головой, пока, наконец, псаков купол не встал с мерзким щелчком.

И это была точно последняя порция силы на сегодня – меня свалил глубокий откат.

**

Очнулась я на алтарном камне, в подземелье поместья. У меня затекла спина – лежать было очень жестко. Вместо балок конюшни надо мной чернел родовой гобелен, усеянный мириадами созвездий.

Как я сюда попала? Дядя?

Последнее, что я помнила прекрасно – это попытка поставить купол тишины. Дальнейшее вспоминалось смутно.

Я помнила, как хлестала из второй бутылки, давясь слезами и почти не закусывая. Помнила, как закончилась выпивка, и я, опираясь на стойла, отправилась в каморку Старика, потрясая пустой бутылкой. У него точно должна быть своя заначка. Как отбирала у него целую бутылку, вместо початой на треть, которую он пытался мне всучить – жадина. Как отправляла его назад, махая руками – даже тогда я точно знала, что почему-то должна пить только одна, чтобы не сболтнуть лишнего...

Помнила, как обнималась с норовистым жеребом дяди, жалуясь ему на судьбу, прислонившись к теплому боку. Шелковистая грива мягко скользила между пальцами...

Помнила, как материлась, пытаясь найти в этой псаковой конюшне хоть кусочек угля, чтобы начертить на стене экспериментальную версию круга Вермахта – мне пришли в голову кардинальные улучшения двух из его узлов...помнила...всё, дальше обрыв и полная беспросветная темнота.

Великий, что ещё я натворила...и...прием точно был вчера?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/23579/489132>